

Анастасия Рындина

Литератор

...бимая,
...де – мож
...и након
...авив ме
...чески дожива
...ок безрадостны
...ей, и это будет
...иво. Грустно, на
...пробивающе –
...край лво. Алина
...уле...ит на кровати
...ти... ложа немног
...п...дныта – худая,
...ная, едва не
...вечивается
...ть больно. Ч
...их чертос
...от уха
...й трубо
...а, котор
...живали
...из, что
...на это
...удом

Анастасия Рындина
Литератор

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Рындина А. А.

Литератор / А. А. Рындина — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Знаете, я не умею писать аннотации. Всю свою жизнь я избегал их, где можно было; где нельзя – ограничивался небольшой цитатой или передавал эту обязанность редактору. Почему бы не поступить так и сейчас? «...Все писатели - которых я знаю, по крайней мере - немного странные люди. Что же до меня... Я, пожалуй, страннее их всех. Я искренне верю в то, что написанное мною сбывается: рано или поздно, так или иначе».

С огромной благодарностью Йофи за подробную медицинскую консультацию.

Он пришёл за ней – это скучно, старо, избито.

И прекрасно.

Я так думаю.

Извините.

Дана Сидерос, «Орфей»

Я едва нагнал его у двери кабинета, окликнул настолько вежливо, насколько мог.

– А, Пётр... Чего тебе?

Я кивнул ему на дверь:

– Того же, чего и всем, Алексей Иванович.

Лёха нахмурился, принимая возвращенную с именем официальность.

– Тоже рассчитывать будешь, Петь? Ну, что поделать, заходи.

Я зашел, прикрыл за собой дверь, протянул ему заявление на подпись. Лёха подписал его, не глядя и даже не присаживаясь на своё директорское кресло, уже натренированным за день движением.

– Прости, но в бухгалтерию за деньгами можешь не заходить. Во-первых, сам знаешь, их нет. Во-вторых, Нина тоже уволилась.

Я равнодушно кивнул, – мол, и ослу понятно, – забрал трудовую, спрятал в планшетку, висящую через плечо.

– Лёша, еще кое-что.

– Что? – отозвался Лёша с готовностью, будто рассчитывая, что может сделать для меня что-то, чтобы загладить вину.

– Сними очки, пожалуйста.

– Что? – повторяется он, но уже с недоумением. – Это еще зачем?

– В глаза тебе хочу посмотреть, – отвечаю.

– Петь, – говорит. – Прости, правда. Ну не думал я, что так всё...

– Я хочу увидеть это в твоих глазах, – уже без всякого зазрения совести вру я.

– Литератор, – вздыхает-констатирует Лёша, снимая очки.

И в то же мгновение – я бью без замаха, коротко, но от всей души, – получает в табло.

Директор сгибается пополам, зажимает нос рукой, смотрит исподлобья:

– Что ж ты, сука, делаешь?

Я борюсь с желанием добавить еще, уже в диафрагму, чтобы сипел и глотал воздух, а потом – сладостное видение – сгибается на полу, а я пинаю его, пи...

Хватит.

– Тебя бы хотел спросить о том же, падла. Да только ты не ответишь. Потому что не знаешь ты, Лёха, ни-хе-ра.

Лёха молчит. Видимо, действительно чувствует свою вину в том, что случилось.

Я тоже больше не произношу ни слова, разворачиваюсь и – как бы ни хотел уйти красиво – захлопываю за собой дверь.

***

Все писатели – которых я знаю, по крайней мере – немного странные люди.

Одна визжит от восторга, собственными глазами увидев необходимую ей в книге цистерну на три тысячи литров, другая занимается фехтованием только для того, чтобы понять, что чувствует герой, а третий... Третий вообще на войну уехал. Не то чтобы за идею (нет, за

идею, разумеется, тоже) – но лишь чтобы суметь постичь, передать, выразить то, чего нормальный человек и понять-то не сумеет.

Что самое удивительное, вернулся. Писатель – а выжил на войне, не чудо ли? Правда, книгу так и не спешит выпустить. Видимо, действительно что-то постиг.

Что же до меня... Я, пожалуй, страннее их всех.

Я искренне верю в то, что написанное мною сбывается: рано или поздно, так или иначе.

Нет, безусловно, я не думаю, что это происходит исключительно по моему желанию и воле.

Скорее, кому-то – то ли создателю, то ли мирозданию – больше нравится моя выдумка, нежели вкратце обрисованный план на среднестатистическую жизнь человека, и время от времени они корректируют ее в соответствии с моей писаниной, иногда внося небольшие исправления на свой вкус. Делают общую картинку красивее. За счет заказчика выезжают.

В этом, собственно, и кроется причина моего поведения: мне позарез нужно, чтобы написанная мною история осуществилась.

Я опрометчиво решил совместить полезное с полезным: старый друг предложил поучаствовать в разработке игры, а я посчитал, что предложение как никогда кстати: чем больше людей увидят, прочувствуют, пронесут на себе шкуру персонажа, тем скорее и лучше сбудется задуманное.

Я написал о девушке, которая проходит множество испытаний, однажды проснувшись не в своей кровати, а в странном мире, полном необычного и загадочного. Я, стараясь изо всех сил, прописал детали, сделал так, чтобы героине нельзя было не сопереживать, держал напряжение на таком уровне, чтобы каждый захотел пройти сюжет до конца и вернуться домой.

В финале – ох, как же я мучил этот финал, – всё объясняется тем, что девушка выходит из комы.

Это была лучшая моя работа. Выжатым досуха, я отдал сценарий Лёхе и стал ждать.

И я дождался. Полного банкротства компании – но это ничего, это бы я принял.

Но то, что мой сценарий вывернут, пережуют, искалечат, уберут самые важные для меня детали, добавят героине пошлый вид и тонну сарказма с пафосом, и наконец, словно всего этого было мало, изменят концовку так, что Лина останется в мире грёз, – потому что мой вариант скучен, стар и избит...

Поэтому можно сказать, что сегодня утром я проявил чудеса выдержки и милосердия.

А теперь оказался на улице, глотая горький дым сжигаемой вперемешку с туманом прелой листвы.

Кажется, в моём состоянии человеку положено закурить и сделать длинную затяжку, чтобы было ясно: вот она, горечь. Пусть прохожие оборачиваются на твоё хмурое лицо, гадают, что у тебя стряслось, додумывают твою историю, впечатлившись видом.

Или это только я таким занимаюсь?

Но я, к сожалению, не курю. Раньше как-то не хотелось, а потом, когда Алина попала в больницу, действительно был повод начать, но всё думал: а если она очнется, а я уже приобрел столь неприятную для неё зависимость?

Присев на лавочке в небольшом скверике, я на минуту спрятал лицо в ладонях. Подумал, что выгляжу странно, потряс головой, чтобы хоть немного прийти в себя, откинулся на спинку, задрал голову, чтобы только небо могло смотреть на мою тоскливую рожу.

Я вернулся к тому, с чего начал.

Пожалуй, это и хорошо, что они испоганили образ Лины: так моё послание не достигнет до небесных исполнителей, не будет судьба Алины зависеть от выбора той шлюховатой девки Лины в финале игры.

Но что, что теперь я могу сделать, чтобы чаша весов Алины склонилась на сторону жизни? Какой такой поворот в своей судьбе исправить, какие испытания преодолеть, какую боль превозмочь?

Я понимаю. Они хотят, чтобы было красиво.

Вся дрянь в том, что «красиво» может быть и иными путями.

Она – милая моя, почти родная, любимая, свет в оконце – может отойти наконец, оставив меня трагически доживать остаток безрадостных дней, и это будет красиво. Грустно, на слезу пробивающе – но красиво.

Могу и я уйти к ней, но по своей воле. Временами я думаю, что именно этот исход и устроил бы демиурга – только боюсь, моей кончиной всё не ограничится. Как только погибну я, Алинушка придет в себя, в лучших традициях классиков, даром, что наша история любви вовсе не похожа на историю Ромео и Джульетты, да и семьи наши в дружных отношениях, даже после...

Да, я собственник. Такой, что самому противно: однако мысль, что после смерти моей Джульетта не отправится следом в царство Аида, а погорюет, да и найдет утешение в объятиях другого... Нет. Никогда.

А если, придя в себя, и последует за мной – то в чем смысл? Вообще всего?

Постой, говорю я себе. Постой, погоди, ты едва что-то не упустил.

Ты уцепился за избитый сюжет о дурацкой подростковой любви, а между тем, ответ лежит у тебя перед носом.

Видимо, царство Аида – это моя последняя попытка. Мне нужно отправиться за моей Эвридикой и привести ее обратно.

Попытка последняя в самом прямом смысле этого слова.

Я возвращаюсь в реальный мир. За время моего отсутствия ничего не изменилось: всё то же невнятного белого цвета небо, всё те же полуголые ветви деревьев, покачивающиеся у меня над головой.

Работа писателя, на самом деле, на очень значимую часть состоит из сбора и анализа информации. Кем бы мы были, если перед тем, как написать рассказ, не интересовались деталями, которые сделают повествование живым и правдивым? Правда, существенный минус заключается в том, что можно слишком увлечься сбором информации. Сам не единожды попал в эту ловушку: на поиск нужных сведений убил не одну неделю, а рассказ написал за гораздо меньшее время, используя едва ли не десятую часть найденного, если не хуже – вообще откладывал произведение в долгий ящик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.